

ДОМ, ГДЕ СОГРЕВАЮТСЯ СЕРДЦА

Мир России 1988, 23 год

В 1910 ГОДУ Ф. И. Шалаяпин купил двухэтажный дом в Москве на Новинском бульваре (ныне улица Чайковского). В деревянном этом особняке хорошо было работать над голосом. Выходил он террасой в огромный сад, простиравшийся в ту пору до самой Москвы-реки. Фасад же дома омывался кипучим прибором жизни столичного центра.

Сюда возвращался Шалаяпин после спектаклей и репетиций, воодушевленный, праздничный или же молчаливо удрученный, недовольный собой. Здесь звучали голоса подраставших детей, устраивались домашние спектакли и горели свечи на рождественских елках. Сюда по-дружески просто приходили замечательные деятели и творцы русской культуры — музыканты, художники, писатели, артисты: С. Рахманинов, А. Скрябин, братья Васнецовы, М. Врубель, К. Коровин, И. Репин, В. Серов, И. Бунин, М. Горький, В. Маяковский, И. Москвин, многие другие.

Приходили потому, что мир Шалаяпина, его голос, его творческий и человеческий космос переносились со сцены Большого театра в эти стены и увлекали других неиссякаемым мастерством импровизаций и перевоплощений.

Долгое время это уникальное явление в истории не только отечественного оперного театра, но и мирового сценического искусства существовало для нас лишь благодаря скупым и часто несовершенным записям.

Но ведь не может, не должен даже великий голос жить в отрыве от личности самого певца, пусть и противоречивой. От его судьбы, несомненно трагической, несмотря на внешнее благополучие. Наконец, от исторического времени, творящего любую биографию. Нам нужен был музей Шалаяпина, объективно рассказывающий о его жизни в искусстве и о его жизни в России, которую он покинул в 1922 году, чтобы потом признаться незадолго до смерти: «Мечту мою я оставил в России разбитой... Я не создал своего театра. Придут другие — создадут».

В 1980 году, накануне Московской Олимпиады, в горячке поспешных преоб-

разований явилась идея снести шалаяпинский особняк и на его месте построить общежитие для спортсменов. К счастью, это преступление (трудно подобрать иное слово) культурная общественность сумела предотвратить. Но и до создания музея Шалаяпина в этом доме было еще далеко. Многие энтузиасты так и не увидели свое начинание завершенным. Не дожидаясь этого и Ирина Федоровна, дочь певца, целиком посвятившая себя делу увековечения в нашей стране памяти Ф. И. Шалаяпина, сохранившая в неприкосновенности отцовский архив.

Готовился дом предстать в первоначальном облике. Возвращались экспонаты, разошедшиеся по частным коллекциям. Подготавливалась и общественная атмосфера. Одна готовность счастливо совпала с другой. 24 сентября 1988 года состоялось открытие мемориального дома-музея Ф. И. Шалаяпина, приуроченное к 115-й годовщине со дня рождения великого русского певца.

Вспомниваю в лица этих старушек. Сколько им лет? Восемьдесят? А может быть — под девяносто? Из последних, еще сохранившихся каким-то чудом двориков старой Москвы приходят они в музей за полчаса до начала экскурсии. И вспоминают, вспоминают...

Они слышали живой шалаяпинский голос и не могут не поклониться этому гению за минуты счастья, благоговения, трепета, испытанные еще в юности и пронесенные через всю жизнь.

Вслед за экскурсоводом — директором музея Н. Н. Соколовым — поднимаемся по деревянной лестнице вверх. Весь второй этаж повествует о творческой биографии певца, о постепенном — а иногда и стремительном — восхождении мальчика-писателя из казанской Суконой слободки к вершине мировой славы. Увлечение народным балаганом представлением, пение в церковных хорах; работа в Казанском казенном театре, в Тифлисской опере, затем в Московской Частной опере Мамонтова, в Мариинском театре, наконец, в Большом...

Мы привыкли воспринимать Шалаяпина гением-самородком. Несомненно, был он

Дом-музей Ф. И. Шалаяпина.

Фото С. ФУРМАНА

от природы одарен феноменальным голосом, редкой актерской восприимчивостью. Но стать собой смог лишь учась у выдающихся мастеров русской музыкально-артистической школы: П. Медведева, Д. Усатова, Э. Направника, В. Андреева, М. Дальского, В. Стрельской, М. Савиной. Возрождает музей и их несправедливо забытые имена.

Станиславский однажды заметил, что «списал» свою систему с Шалаяпина. Действительно, Федор Иванович был глубоко драматическим актером, бесконечно расширившим границы оперной режиссуры. То был художник пения, мыслитель звуками, в совершенстве овладевший искусством интонаций. Он не признавал бессознательного на сцене, умел «контролировать гармонию действия». Но если умирал его Борис Годунов, то вместе с ним в это мгновение умирал и сам Шалаяпин. Уникальные фотографии, рисунки знакомят нас с почти мистическим шалаяпинским даром перевоплощения... Вот Иван Грозный — тиран и великий притворщик, подозрительный и коварный, и в то же время — любящий отец... Борис Годунов — величаво-сосредоточенный, пленник глубоких дум и страшных предчувствий, обладатель мощного ума и слабого человеческого сердца... Мефистофель — гений тьмы и отрицания... Дон Кихот — образ, в котором отражены «и фантазия, и беспомощность, и замашки вояки, и слабость ребенка, и гордость кастильского рыцаря, и доброта святого».

Прочертить голосом, сделать живой всю сложную градацию чувств, выразительно представить различные грани противоречивого характера стремился Шалаяпин в работе над ролью. Всему миру доказал он, что сценическая красота может явить-

ся и в изображении уродства. Тем возвышенной было прекрасное в шалаяпинском исполнении, тем величественней — благородное.

Нижний этаж воссоздает жилище облик дома Шалаяпина: детская, столовая, Белый зал, бильярдная, кабинет певца, его гримерная... Сохранились венчальные свечи Шалаяпина и Иолы Игнатьевны Торнаги, первой его жены. Свидетелями на этой свадьбе были братья Мамонтовы, а шаферами — С. Рахманинов, К. Коровин, С. Кругликов.

Воистину, игра была сутью шалаяпинской природы. Он обожал возиться с детьми, рисовал для них забавные картинки, сопровождая их шутивыми подписями.

В Белом же зале все происходило всерьез: репетировались концерты, разучивались оперные партии, проводились и музыкально-литературные вечера. И сегодня для посетителей музея здесь звучат уникальные шалаяпинские записи. Тогда по-настоящему и пробуждается дом — из холодного символа ушедшей эпохи превращается в живую память времени, согревающую благодарные сердца слушателей.

«И опять тот голос знакомый, будто эхо горного грома, — наша слава и гордость!» — так писала А. Ахматова о Шалаяпине в начале века. Так же воспринимается его искусство и сегодня.

Покидая старинный московский особняк, возрождающий еще одну замечательную страницу нашей культуры, вспоминаю прочесанные слова С. Рахманинова о том, что Шалаяпин не умрет, умереть он не может, ибо он, этот чудо-артист, с его истинно сказочным дарованием, забываем, для будущих поколений он будет легендой...

Нина ЛУКЪЯНОВА